

*Лидия СТАРОДУБЦЕВА,
профессор,
доктор философских наук
(г. Харьков)*

УЗЛЫ УЗОРА

«**Ч**то было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, но нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1.9). Не мудрому ли Екклесиасту грустно вторит Поэт: «Две тыщи лет сквозь пальцы утекло — песком атласным, перлами ракушки, размолотыми в нежный кокаин...»?¹ Не знаем, и никогда не узнаем, что такое время. Оно плетет свои тончайшие паутины, заверчивается в воронки, свивается в коконы вокруг немислимого. Слоится и рвется. Возносит и роняет в забвение. Впадает в аритмию. Двигается синкопами и обращает течение вспять. А иногда вдруг приоткрывает свои вечностные поперечники, в которых странно совпадают «теперь-потом», сейчас-и-прежде: «пять тысяч мгновений назад»²... Наверное, не каждому суждено это понять, но лишь тому, в ком «вызрело время»³ и кто способен сказать: «прошлое впереди»⁴...

«Эон» — тринадцатая книга стихов-стихий Сергея Шелкового. Ее корневая тема — «Правитель-Время», хитросплетения Хроноса. Само слово «Эон», поэтичное, томящее, проникнутое дыханием эллинской философии и гностических учений, завораживает, заколдовывает вселенскими ритмами. Эон — мировой тысячелетний счет времен... Эон — выход за пределы близорукого видения. Эон — страстный порыв к вневременному. Эон — то, что мерцает как отблеск вечности во времени, прозревая «за дальней памятью тончайшие слои»⁵...

«Новые стихи» — гласит подзаголовок. «Новая поэтика»? Пожалуй. Её можно было бы назвать «поэтикой густого письма». Тринадцатая по счёту книга — многотрудная, многослойная, укорененная в лете лет над Летой и, должно быть, именно поэтому

¹ Гурзуфское седло, 2006.

² Лавка в Сиене, 2006.

³ Вызрело время, проснулось глазастое лето, 2006.

⁴ Подсуетится бес, душу ножом хлестнет, 2007.

⁵ За дальней памятью тончайшие слои, 2007.

обреченная в наш суетный век на непонимание. Книга, ищущая нового читателя. Какого? Того, кто открыт к неспешному созерцанию. Того, кто знает толк в археологических раскопках слова и радуется находкам глубоко упрятанных смыслов. Того, кому близок язык иносказаний и намеков. Того, кто не избегает самого себя, не заслоняется от боли раздумий о сути неизбежного, о круговоротах истории, об абсурдности нашего безбожного времени и о бесприютных скитаниях души.

«Жизнь движется: то два часа — полёт, то век — ползком, сдирая в кровь колени»⁶ ...

В 1985-м опубликован первый сборник стихов Сергея Шелкового.

В 1989-м его назвали подлинным поэтом (устами ни много, ни мало — Бориса Чичибабина...).

В 1997-м о нем заговорили как о Мастере, ибо талант его — зрел, ибо стихи его книг — словно спелые яблоки на ладони.

В 2002-м его окрестили одним из известных современных русских поэтов.

Что же сказать в 2007-м?

Не знаю. Может, я и заблуждаюсь... Но что скрывать? Я ведь принадлежу к тем читателям, кто давно очарован нежной изысканной тканью его рифм, глыбами его метафор, пьянящей игрой его созвучий. И так, была ни была — смею утверждать, что Сергей Шелковый — Поэт мирового Эона. Глубокий, классичный, отточенно рафинированный и тонкий.

«Узлы узора вяжет время»⁷ — говорит Поэт мирового Эона, размыкая его границы, расплетая его сплетения: от полузабытых истоков до эсхатологических пророчеств. Что ж, попробуем развязать несколько узлов этого узора.

Узел первый. «Посох пилигрима»

Что может быть более привычным для русской поэзии, чем нота странничества? От Н. Некрасова и В. Соловьева до И. Бродского: «Идут по земле пилигримы» — путники, странники, бродяги. И, пожалуй, первое, на что вы не можете не обратить внимание, открыв книгу «Эон» на любой из ее «страниц-страниц», это пронизывающий ее ритмы, сквозящий через ее строфы ветер-гимн

⁶ Жалеет, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁷ Возвращение, 2005.

извечному блаженному скитальчеству. «Затем и снится посох пилигриму, что путь — верней, чем полис на песке»⁸... Отовсюду веет духом бродяжей свободы. Переходы, перекрестки, переезды, перевалы, разлучники-вокзалы, причалы, мосты, ездки и кареты, тамбуры электричек, корабельные трюмы и паруса, расписания рейсов, отлетов... «На ходу, на плаву я»⁹... «Опять вокзал, билет»¹⁰... «И снова — в стремя, в путь, в седло, в езду!»¹¹... «Скитальцу, слава Богу, еще достанет сил — в дорогу»¹²...

Куда же ведут нас дороги «Эона»? Конечно же, во всеохватность, полноту и бесконечное разнообразие времён, пространств, сознаний. Трудно представить, как в пределах этих ста с небольшим страничек удалось исповедать столько неисповедимых путей, мастерски совмещая густонаселенные Хроносы и Топосы. Мелькают образы ландшафтов и вереницы культур. И у вас, похоже, начинается легкое головокружение. Египтяне, шумеры, галилеяне, Урарту и Эллада, этруски и римляне, сгустки византийства и азийства, кельты, готы, россы, сарматы, тавры, скифы, сунниты и шииты... Архитектоника пейзажей легко разбрасывает камушки своих калейдоскопов, искусно выкладывает невообразимо пестрые мозаики: Стоунхендж, знойная Гиза, аттические воды, Эльба, Сардиния и скалистая Корсика... Попадаются и символические ландшафты: «в настоящее зной растворенный» Китеж, затонувшая Атлантида, но реальных все же куда больше, да и прописаны они куда точнее, сочнее, ярче.

Согласитесь, неудобно как-то, тесно в узенькой щёлке-расщепе времени мира. Давит быт. Сковывают рамки обыденного. Ограничивает обусловленность. «Проспать бы налету лихое время!»¹³ — грезит Поэт. «Здесь бы заснув, да за тысячу с лишком проснуться всех единиц, кои меряют пространство и время»¹⁴. А это и значит — «очнуться» и... отправиться в странствие в поисках смыслов, рифм, ритмов. Распахнуть свой мир. Вглядеться в иное. Так начинаются поэтические скитания «Эона».

В каких же странах странствуют эти стихи? Здесь более всего, пожалуй, повезло пейзажам Италии: милая Тоскана, Пиза, зяб-

---

⁸ Перевал, 2006.

⁹ Стая новых стихов, 2006.

¹⁰ Опять вокзал, билет. И снова в среду, 2006.

¹¹ На переезде, 2005.

¹² Конец ноября, 2005.

¹³ О львином сердце, вырванном с корнями, 2006.

¹⁴ Стаю галки у грязного рынка пасутся, 2006.

кий туман Арно, Апеннины, Верона, Болонья, Сиена... Впрочем, отчего же только Италия? Вот Лондон, Вена, Зальцбург, Аустерлиц, Магдебург, Рейн и Майн, Хофф, «Баварская Тмутаракань» и «нетронутый тысячелетний город Кведлинбург»... Облюбован, исхожен вдоль и поперек, обласкан рифмой родной Крым. Его топонимика интригующе мерцает, переходя из страницы в страницу, из строки в строку: Киммерия, Крепость Каламита в Инкермане, Графская пристань, Херсонес, Балаклава, Севастополь, Тахта-Джами, улус-гарем Бахчисарай, Джанкой, Сиваш, страна пришельцев Дори... Гурзуф и Алупка...

С особой любовью страннический дух «Эона» воспеваает Кавказ: самшитовый Сочи, бамбуковая Хоста, веерно-пальмовая Гагра... Ну, что, уже довольно? Нет! Неужели вас не чарует «чреватость луны над полночною гривой Афона»?.. А еще — Святой Андрей на Киевских холмах и братец Моцарт на высотах Праги... А еще — Валдай и Черная речка, Дон и красноперый плес Донца... Лев-Львов... Ну и, конечно же, «хриплый Харьков» во всех его зримых приметах: шинок на стыке Студенческой и Пушки, Журавлиный холм, Холодногорская тюрьма, Пушкинская, по которой шаркает старуха-проруха, кафе «Идеал» и «Болонья»... Там — в пространстве чьей-то беспокойной памяти — и доньше вольготно живет бражникам-поэтам...

Траектории времени запутанны, как средневековые улочки Праги, как рисунок старомосковских веерных кварталов и закоулков, что ведут все глубже в прошлое. Перекрестки истории духа. Перепутья культур. Бездорожья, тупики, лабиринты и поиски выхода. «Эм-цэ-квадрат бессмертного движенья»¹⁵... Как минимум, шесть тысячелетий насчитывает этот виток мирового Эона. Гулким эхом отзываются в нем тысячи мифологических и библейских, исторических и литературных, и прочих, и прочих, и прочих голосов, имен, образов и ликов. Они серебрятся россыпями строк, то смешиваясь, то расходясь рядами вселенского многоязычия:

- ... Единорог, грифон, химера, сфинкс...
- ... Хвост русалки и наяды грудь, леший, фавн, сатир...
- ... Феникс, Сизиф, смеющийся летний Эол...
- ... Адам, Иосиф, Моисей, Каин, Мафусаил, Авессалом...
- ... Евангелисты, Мария, Иуда, Лазарь, Пилат, Иоанн Златоуст...
- ... Мерлин и друиды...
- ... Ярило, Муромец, Добрыня и Попович...

---

¹⁵ Смеркается, и пуля-дурь в висок, 2006.

... Фома Аквинат, Савонарола, Гутенберг, Медичи, Бонапарт...
... Джотто, Рафаэль, Леонардо...
... Паганини, Бетховен, нездешний Амадей...
... Петрарка, Джон Донн, Пушкин, Мандельштам, Набоков, Ар-
сений Тарковский...
... Омар Хайам, Хокусай, Рерих...

Что это — Вавилонская Башня мультикультуралистского гула истории? Эээээээоооооннн... Сквозят в анфиладах веков: Эол, Эллада, Эскулап, Эйре, Этрурия, Эстебан дон Эскрибано, Эльба, Эпиталама, Эндшпиль... Мелет свою муку мельник-Хронос. Ползет автомобиль... скрипит тарантас «на бездорожье века»¹⁶... «гремит железный поезд — мимо Бога»¹⁷. Два извечных прототипа поэта: «философ-скептик и рифмач-смутьян»¹⁸ стучат каблуками по мостовой. Оба — в пути. Оба — бродяги. Они скользят по гололеду истории, бредут по снегу надежды, идут скалистыми тропами разочарований, путешествуют «по полночи наискосок»¹⁹, перемещаются в ландшафтах реальных и вымышленных, странствуют в веках и тысячелетиях, скитаются в книгах, мыслях и сомнениях...

*Благо, жив подмастерье Эон, юноглазое время,
цел Эон, бесконечно готовый делиться на части! —
Меж вчерашним и завтрашним стык, вертикаль надо всеми,
кто не вплюснут в расхожее горизонтальное счастье...*

.....
*Некий случай склепал нас синхронно. И смутная дата —
вереница имен...*

*Убаюкань, в кокон зашить,
все смеются, как летний Эол, как Эон,
как когда-то...²⁰*

Наверное, любые странствия и «опространствляют время», и «овременяют пространство», а уж тем более — поэтические. Последние углубляют нас в самую суть, в сердцевину событий, увлекают в поиски внутренних связей разрозненного и удивительных точек схождения несходного. И потому, как бы ни был пестр, цветаст и заманчив мир нескончаемых переходов Эона,

---

¹⁶ Собака лает, но ползет автомобиль, 2006.

¹⁷ Плато, 2005.

¹⁸ Пиза, 2006.

¹⁹ Пройти по первейшему снегу, 2006.

²⁰ Эон, 2006.

наш Поэт устремляется к его первоначалу, истоку, невидимому Центру. Куда бы ни держал путь наш странник, верным путеводителем ему служат Пятикнижие, Псалмы, Талмуд, Благая Весть Святого Евангелия, Четьи Минеи да «Сумма теологии»...

*И, значит, лишь одной молиться надо —
своей, разбитой вдребезги, дороге²¹.*

Бог поэта — Жизнь, Истина и Путь. Его мольба обращена к Тому, Кто и Сам Себя считал лишь странником и гостем всех наших земных странноприимных домов. И, может, потому дороги физические и метафизические в «Эоне» сплетаются так, что их не разнять, не распутать. «В юродивой, но высшей простоте — воздушный мост вздымает пилигрима»²² — Нет, это, конечно же, не только о юродивых и каликах переходящих. Это о поэте, о его «паломе-душе», которая скитается в поисках дома. «Рвется к облаку, хмелея, бесприданница-душа!»²³ Но Кто и что гонит ее в путь? Разве здесь-и-сейчас она не дома? Зачем же она томится и рвется в неведомое там-и-тогда?

На сонм этих вечных вопросов поэт отвечает мудро и просто, всего лишь одной строкой: «Затем и бродяжишь, чтоб высветить близкое дальним»²⁴. Недоступны миру рации эти парадоксы паломнического пути: чтобы понять свой дом, нужно его покинуть, чтобы узнать, чьей ты родины, нужно ее оставить. Ибо только изгнаннику ведома его настоящая отчизна. Да, да, все та же евангельская игра инверсий смысла: «Сберегший душу свою потеряет ее» (Мф. 10.39). В ритмике вечных уходов-и-возвращений, в духовных сценариях потери-и-обретения себя, в топике нежелания-уйти-и-невозможности-остаться свершаются кружные пути паломников мирового Эона.

Блаженна протяжная, лучше по снегу, дорога...

.....
*Каким ни спешил бы путем — возвратишься к себе.
В конце виража — обретете осевшего дома²⁵.*

---

²¹ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

²² Серхио де Седа, 2007.

²³ Колоколец, дар Валдая, 2006.

²⁴ Меж берегом и бургом клубится единство дыханья, 2006.

²⁵ Ты — все еще отрок, войти не умеющий в фальшь, 2001, 2006.

В этот осевший дом, скрытый во мраке до-, пред-, бес-сознаний, блудный сын непременно вернется, не так ли? Там, среди риз, митр и тиар «душа — просветленно-печальна»... Там «мерцает во тьме аналой» и «в шелесте ивы рождаются веянья лада-на»... Там «плышет псалом» и «рассветный тропарь», там бушует «воскрешающая метель» и «век за веком присягает тень свечам алтарным»... Там поблескивают «оклада иконного блик... и Марии хранительный лик»... Там на губах осела «соль акафиста» и слышен телефонный «пасхальный звонок»... Там галилейские мистерии «даруют ту же весть, что жест Евангелиста»... Там оплакивает нас «мироточением темень-икона» и пространство душ «молебном теплым правит след»... Именно там, «в конце виража», наконец, обретя свой дом, рядом со Святым Евангелием поэт положит «стихов-грехов тетрадь»²⁶...

Так уж, видно, устроено это странное жизненное странствие: переход из градусов земных к Божьему Граду спасения, от скоротечного — к незыблемому, от преходящего — к вечно пребывающему. «Не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13.14)... Время «Эона» — не вектор, не стрела, нацеленная из прошлого в будущее. Это — нить из сейчас во всегда. Непростая она, эта нить. Она вьется и сматывается в клубки — узлы узоров неразрешимых, пока мы живы, противоречий. Живая-ножевая нить времен сворачивается в кольца, кружит вокруг поисков обители. И отмеряет этот бег времен давно известный круговой ритм: Преображение Господне, Успение, Покров, ожиданье Рождественских дней, Сочельника раскрытые двери, Святок малиновый уголь, Крещенье, боль Страстной недели... «Жизнь и хвори минуют, а Пасха все долги вернет»²⁷... Все свивает свитки времен: оплеты трав, веретена-улитки, коконы-паутины, кругами очерченный купол неба, круги речи и крови, втягивая нас в нескончаемое коловращение жизни, спиралевидно ввинчивая нас в кольца-витки мировой истории.

*Испив фиал с философом до дна,
история опять пойдет по кругу,
по эллипсу, овалу, по рукам...
Но тем она контексту и любезней,
что проскользнуть способна по виткам...*²⁸

²⁶ На Страстной, 2006.

²⁷ На Красную Горку, 2006.

²⁸ Сунниты бьют шиитов по шеем, 2006.

Куда же влечет путника ветер скитаний между историей и метаисторией, земным и Небесным градами, если не в «единственное единство» точки схождения всех перспектив мирового Эона? От зримого — к незримому, от слышимого — к неслышимому, от постижимого — к непостижимому. «Видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4.18). Кто развяжет этот узел? Кто развернет эти свитки времен? Кто поймет, как удаляясь, мы приближаемся и, уходя, возвращаемся? Может, тот, кто укоренен в Пути и чей «осевший дом» — нет, ни остановка, ни передышка, ни привал... но сама по себе блаженная протяжная Дорога — длиной, похоже, намного превосходящая отмеренный отрезок жизни, Дорога, уводящая далеко за горизонты клочков обжитых пространств...

Узел второй. «Цвет, вкус, запах, звук...»

Не знаю, заметите ли вы, что поэзия «Эона» фантастически живописна. Она блещет и переливается всеми цветами радуги, полнится мириадами оттенков. Не случайно ведь открывается книга словами «Зрочка государь». Зрочок, а также глазница, зрячий, око, глаз, бельмо, взгляд, зенки, зеницы — едва ли не ключевые слова для странника-поэта, внимательно вглядывающегося в соцветия мирового Эона. Это вглядывание требует усилий: отсюда и «оголенный нерв зеницы», и «мускул зрочка»... Это вглядывание обоюдно: путник рассматривает мир, мир — путника. Всюду «рыщет прошлого фосфорный взгляд»²⁹. Здесь и «сфинксовы очи», и «зенки лешего», и «зрочки Назаря», и «сострадающий глаз» розоватого солнца... И даже снежная крупа норовит «в зеницы стужею вонзиться»³⁰.

Многоокая вселенная разглядывает поэта, а его зрочок словно бы втягивает в себя бесконечность Эона. Каков же «цвет времени»? Что за палитра у радужных оболочек глаз Хроноса? Времена изменчивы, и их гаммы переливчаты: «Средь греческих руин алеет алыча»³¹, «валлийский голубой песчаник»³², «храм на зелено-золотой крови»³³, «смарагдовый дракон»³⁴, «флаг голубой

---

²⁹ От безудержной купли-продажи, 2005.

³⁰ Конец ноября, 2005.

³¹ А помнишь — в первый раз мы были в Херсонесе? 2006.

³² Левитация, 2005.

³³ И воробей купается в пыли, 2005.

³⁴ Колыбель, 2006.

и шафрановый крест»³⁵, «белый полис по волнам индиго плывет»³⁶, «пурпур династического герба»³⁷... Состязание живописи с поэзией завершается вничью: слово живописно, живопись словесна.

Попробуем же и мы взглядеться в сказочно-дивный тысячецветный колорит пейзажей «Эона» глазами его автора. Чернила заката-лимана, золотые чешуи карасей, пурпур-варвар сизых ягод и бугристых гроздей фиолет, сине-зеленые шатры, дожди колера маренго, склоны рыжих гор, цветы фиалковой крови, абрикосовый полдень, бирюзовый отблеск лета на черно-белой зимней схеме, лилово-мелкие цветки, в которых «затаен соблазна дух»... И еще — то ли кровью, то ли медью краснеющая кора сосняка на закате, розовый камень среди сини деревьев, багрянеющий кизил, классическая охра и освежающий салатный...

И все же в буйной живописи поэтики «Эона», должно быть, существует акцент. Сочная доминанта. Это золото и синь: их взаимное сияние, их тяга друг к другу из века в век. «Златосиние дороги» вечности, «желток» подсолнуха «на блюде сиенской лазури» и златая «пшеница волос» «с отблеском синим на племе». Ультрамарин неба и охра солнца... Синь бесконечности и золотистость Фаворского света... Золото звезд на синих куполах... Вот он, ключ к метафизике цвета времени. Злато-синяя универсалия времен посреди живописного хаоса быстротечных витальных процессий, «лоскутного одеяла» эпох и культур, пестрой череды поколений...

*Кем бы и был я — без родины той,
что — ясноглаза и плавноязыка —
синь-ключевой запивает музыкой
хлебного ломтя припек золотой?*³⁸

Не знаю, оцените ли вы, что поэзия «Эона» непередаваемо вкусна. Нет, не только в том смысле, что она отмечена художественным вкусом. Но и в том смысле, что она удивительно сложна на вкус. Она словно бы искушает читателя стать невольным гурманом всех ее блюд, дегустатором всех ее вин. Она зовет буквально «распробовать», «раскусить» каждое слово, вдруг ощутив на его дне вкус молока и хлеба... Сладостно-горькое, терпкое, перче-

³⁵ Аналогия, 2007.

³⁶ Графская пристань, 2006.

³⁷ О львином сердце, вырванном с корнями, 2006.

³⁸ Аналогия, 2007.

но-острое — таково угощенье «Эона», его подношение Хроносу, в котором не находится места ни пресному, ни кислому.

Не желаете ли на итальянский лад насладиться «младенчеством кьянти — багряных, лиловых, чернильных кровей откровеньем»³⁹? Или отведать, к примеру, щедрот приморского климата: «аджики острой, портвейна, баклажанной икры»⁴⁰? Не изволите ли «глотнуть... вишневого белого всплеска»⁴¹? В меню наших странствий-блужданий нам могут предложить «то каплю бальзама из Риги, то красный, султанский кизил»⁴². И красное вино отменно, и «хлеб хорош и херес крепко-сух»⁴³...

Впрочем, наверное, «вкус времени» рассчитан отнюдь не только на гедонистов: полны горечь с губ горячих смоем»⁴⁴... Время — и мед, и яд. Сладкое в обещаниях, горькое в несбывшемся. Кому-то оно сулит амброзию и нектар, а кому-то — цикуту. «Прими дорогие слова — слотни и мышьяк, и дурман...»⁴⁵. И каждое мгновение жизни, и каждую жизнь приходится пить и вкушать по-своему: то ли осторожно пригубливать, то ли с наслаждением подолгу смаковать, то ли жадно заглывать, то ли расхлебывать. То же — со столетиями... Судите сами, какова же на вкус наша эпоха в мировом Эоне, если один из ее наиболее метких, остро чувствующих Поэтов сказал о ней:

*«О, смутного столетия трава,
смешение циана и муската!»⁴⁶*

Не знаю, достаточно ли вы чутки, чтобы ощутить, что поэзия «Эона» удивительно ароматна. Она источает букет всевозможных запахов: мускусных, пряных, удушающе-едких, приторных. Она насыщена и изысканнейшими благоуханиями летнего травостоя, и отвратительным духом гнили каналов, описать которые в прозе под силу разве что Патрику Зюскинду.

«Запах времени» слишком неуловим. Знаете ли вы, как пахнет Эгейское море, Нил, Иордан? И какие зловония источали кладбища Константинополя? Не променять ли их на запах свежесы-

³⁹ Меж брегом и бургом клубится единство дыханья, 2006.

⁴⁰ Опять вокзал, билет. И снова в среду, 2006.

⁴¹ Не успел оглянуться, как пух полетел тополиный, 2006.

⁴² Сентябрь припасает варенье, 2005.

⁴³ Солнце ярче, вороны черней, 2006.

⁴⁴ Глаза укропной свежестью омоем, 2005.

⁴⁵ И я никому не звоню, 2006.

⁴⁶ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

ченных парижских круассанов? Впрочем, мы, кажется, немного отвлеклись.

Попробуем на миг вдохнуть ароматы времен так, как велит нам Поэт мирового Эона. Не исключено, что мы снова растеряемся в причудливых лабиринтах разных, слишком разных ощущений.

Да, в мире Хроноса нередко «пахнет дымом и вином»⁴⁷. Иногда — «свежемолотым кофе»⁴⁸. Блажен, кто, блукая в столетиях, вдыхает ароматы цветущей сливы. И, Боже мой, до чего же пленяет читателя, идущего вслед поэту-путнику, этот «свежий дух аниса»⁴⁹. Забредший в еще один из закоулков времени почует, как «пахнет осокой, костром и печеной картошкой»⁵⁰. И все же не будем лукавить. В «Эоне» немало и отталкивающих запахов: иногда здесь «пахнет резиною воздух»⁵¹ и «двукрылие соснового креста жжет скипидаром две ноздри заранье». А порою «ты овражный свой пейзаж опять вдыхаешь, как наркоз под ваткой»⁵². Увы, увy. Не отмахнуться от этих въедливых запахов-строк: «свой вдох лова в бензиновом угаре»⁵³ или «едкий выдох—нашатырь»⁵⁴. Но вот чудо. Вы свернули в иное течение времени. И вдруг тепло повеяло миррой и ладаном. «В шелесте ивы рождаются веянья ладана, выдохи вербные...»⁵⁵. Как же зыбко утверждает свое право на бытие храм души. Но ведь и он тоже — в распустьях Хроноса... И именно паломнице-душе выбирать ту родину, в которой разлит

*запах грусти, надежды, потери...*⁵⁶

Не знаю, обратите ли вы внимание на то, что поэзия «Эона» невероятно музыкальна, будто перед нами тонко настроенные звучащие платоновские сферы, вставленные одна в одну и друг в друге кружащиеся. Вы листаете книгу — и буквально слышите эту «музыку сфер»: «гармонию минутного лада посредь смуты, разлома-раскола»⁵⁷. Какова же она, «музыка времени», растянутого

⁴⁷ Где Каин-ветер слез сплотнуть не в силе, 2006.

⁴⁸ Хриплый Харьков, торгаш и картежник, 1992, 2006.

⁴⁹ Кого люблю? Да Осю, да Арсюпу, 2005.

⁵⁰ Данио-рерио, 2006.

⁵¹ Стаю галки у грязного рынка пасутся, 2006.

⁵² Жалее, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁵³ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

⁵⁴ Плато, 2005.

⁵⁵ Данио-рерио, 2006.

⁵⁶ Хриплый Харьков, торгаш и картежник, 1992, 2006.

⁵⁷ Памяти Николая Дмитриева, 2006.

на несколько тысячелетий? И чего в ней больше: перезвона серебряных колокольчиков, плача скрипок, органных барочных фиоритур, додекафонии, джаза?

Звук «Эона» сочится из бегущих строчек, сыплется горохом бемолей и бекаров, пронизывает стих певучестью вещей и отголосками бездомной ангельской ноты, льется в соль-миноре то полнозвучием клавира, унесенного встречным ветром, то мелодией старательного скерцо, растворенного в тевтонском воздухе, обрушивается на нас всей этой безумной симфонией: лягушечьих легато и кошачьих рулад, льющихся на нас под аккомпанемент Бетховена и Моцарта, контральто и бельканто. В музыке времен столько слилось и спелось. Здесь и колдовство фортепианных клавиш, и песнь Данио-рерио — до-ми-ре-соль... Здесь и скрипка Страдивари, и Гварнери альт, и гусли, и певчий зверь волянки. Здесь бубны, лиры, трубы, виолы, смычки...

Нестройный хор мгновений. Концерт веков. Похоже, Поэт «Эона» на своих кружных стихотворных путях паломника внимает самой музыке сменяющих друг друга столетий. Да вот только чтоб «приблизиться к той ноте небывалой, что длит Элладу, Галилею, Русь»⁵⁸, чтоб расслышать ее, наверное, нужно иметь абсолютный слух на молчание и по-особому настроиться на высоту неслышимых созвучий. Эта музыка неба, души, протяжная песнь мирового Эона

*...тронет слух такой чистейшей нотой,
так до дна пронизывая тишь⁵⁹...*

Глаз, Небо, Ноздри, Ухо. Двери восприятия. Чувствилища души. Цвет, вкус, запах, звук. Все эти нити, протянутые между внутренним и внешним, переплетаясь, вместе прядут узор времени. Стягивают универсум в точку, вбирают мир в себя — в глубину, в сердце, в память. Связываются в узел. Гордиев узел вневременного.

Узел третий. «Уроки алгебры»

Время исчисляют. Вневременное — неисчислимо. Есть еще один узел «Эона», который не так-то просто распутать. Разве что, разрубить. Этот узел — Число. Точнее, число неисчислимого.

⁵⁸ Кого люблю? Да Осю, да Арсюшу, 2005.

⁵⁹ На Страстной, 2006.

Числа-мгновения. Числа-дни. Числа-годы. Числа-века и числа-тысячелетия витков истории. «С рассветом — нечет, к ночи — чет»⁶⁰. И это не просто метафоры. Через подсчеты конечного «времячет» открывает для себя бесконечность.

«Музыка сфер» и «Боги-числа»... Не из этих ли давних пифагорейско-платоновских традиций тянутся в европейскую культуру корни поэтики загадочных сакральных исчислений? Когда-то Велимир в мечте открыть законы времени и пространства без устали упорно испещрял десятки страниц рядами нескончаемых чисел. То ли немного подтрунивая над ним, то ли преклоняясь перед подвижническим трудом сопряжений алгебры и гармонии, наш Поэт мирового Эона включается в диалог и из XXI столетия бросает будетлянину: «Оба мы сильны считать до тыщи, оба за-растаем сорняком»⁶¹...

Однако какой счет ведет автор «Эона»? Нет, он не исчисляет дни рождений и смертей, не предсказывает даты войн и революций. Числа «Эона» — особые. Это своего рода моральные итоги жизни и формулы «приготовления к смерти». Калькуляции грехов и бессмысленной мышью возни, умножения мгновений поэтического взлета. Суммы невидимого. Дроби немислимого. «Все округляет сумму теологий»⁶²...

*Дебет жизни подбивают черти.
Но о ней упорно ходит слух,
что она — не злее доброй смерти*⁶³.

Перед нами нечто вроде метафизического дебета-кредита — подсчет того, что успел выстрадать и понять за свою короткую жизнь. Да, она неизмеримо коротка в сравнении с тысячелетней круговертью эонов, но все же она бесконечно длится в глубине того самого мгновения, в котором, прав был Кьеркегор, «время и вечность касаются друг друга». В этой алогичной логике, в этой странной математике неисчислимого, неподъемного груза памяти мгновений — «атомов вечности» — возможно делить на ноль, округлять сумму своей жизни и умножать реальность на вымысел. Сама судьба «быль на небыль хитро умножила, на нули поделила

---

⁶⁰ Пурпур-варвар, 2006.

⁶¹ Холодное лето, 2006.

⁶² Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

⁶³ Солнце ярче, вороны черней, 2006.

лукаво»⁶⁴. Жизнь прошла, вычлась или сложилась, умножила вопросы, поделила скорби, вынесла себя за скобки. Что же в остатке?

«Бесстыдно арифметика проста»⁶⁵. Человек — неизвестное, икс или игрек. Этой переменной можно присвоить «зеро» или «чертово число», устремить к бесконечности, сделать ее кратной святому «коду семь», вычсть из мира живых и приплюсовать к сумме ушедших душ. «Ты приплюсован к сумме»⁶⁶. В арифметике существования важно не сколько ты прожил, а как. И потому каждой переменной в конечном счете оказывается присвоенным свое — и только одно-единственное значение. «Не игрек в поле пал от пули, не икс пропал от порчи в теле»⁶⁷. Не безликий некто, а «я». Ибо это алгебра не количеств, а качеств, не рядов чисел, а судеб, единицей измерения которых была и остается личность. И разве только ангелы когда-нибудь «вдруг сумеют обменять на качество чертово число того-сего»⁶⁸.

*Но алгебра, Альгамбра, чакры-числа!*⁶⁹

Четки времени, бухгалтерские счета судеб, мириады перелистанных Эоном страниц книги мертвых и живых. Неизмерима эта комбинаторика чисел, уравнений, цифровых кодов вселенной. «И огромный мир ворчал, исчисляя варианты...»⁷⁰. Один жаждет славы, другой тянется к презренному металлу, третий, «ничейный книгочей»⁷¹, корпит над текстами священных книг или странствует по свету. Все умирают и все оказываются правыми. Но кто-то ведь должен все же составлять мартирологи-перечни, вести счет всем нашим потерям и обретениям, заблуждениям и прозрениям, уходам и возвратам? По каким правилам, по каким системам счислений? Для каждого они свои или есть универсальный, подлинный гамбургский счет? И кому под силу угадать константы, если все мы — всего лишь переменные, результаты умножений и делений мира, округленных сумм и остатков?

---

⁶⁴ Памяти В. Дмитренко, С. Долганова, Ю. Юхно, 2005.

⁶⁵ Жалеет, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁶⁶ Серхио де Седа, 2007.

⁶⁷ Один хотел, к примеру, славы, 2006.

⁶⁸ На Страстной, 2006.

⁶⁹ Сунниты бьют шиитов по шеям, 2006.

⁷⁰ Веранда, 2006.

⁷¹ Возвращение в Болонью, 2005.

Этими-то неразрешимыми вопросами и заморожен автор «Эона», бисерно инкрустирующий свои стихи вычислениями по абсурдным правилам поэтической логики. «Ноль, икс ли пишешь — все ништяк»⁷². «Клятвы на крови или обеты надобно на мелочь умножать — на зеро, на ноль»⁷³. «Целых — ноль, десятых — хер, в итоге...»⁷⁴. «Лети, лети — и «Йестедей» поможет, на день поделит и на «йес» помножит»⁷⁵. Разве за всей обманчивой легкостью этих ироничных подсчетов не ноет в ямке грудины подлинная, экзистенциальнейшая тревога? Суд памяти, Суд совести, Страшный суд. Магия чисел «Эона» — итог, который ставит человека перед Абсолютом. Ставит конечное — перед бесконечностью. Ставит уродливое и мелкое перед Тотумом и переводит на тот берег — то ли через Стикс, то ли через Лету... И подводит ту самую, последнюю черту, которая изогнется в извечный знак вопросов и сомнений: «Забудешь ли?»⁷⁶ «И кто нас вспомнит, в самом деле?»⁷⁷.

*Каким ни скользи гололедом — придеши до Суда,
туда, где тебя отдадут твоему лишь закону.*⁷⁸

Жизнь не только дана человеку, она с него спрашивается. И этот ответ — не число прожитых лет. Это мысль, это деяние. Это слово поэта, то самое, которое «давно к посмертной легкости готово» и осуществляет свое особое деленье без остатка. Да и что значат на Суде времени наши школярские тетради?

*Дели их тоже без остатка, Бога ради,
на семь сестер, на дуги воздуха в аркаде,
на Пятикнижие и на Благую весть...⁷⁹*

Так еще один узел поэтического узора «Эона» нитью памяти и забвения оказывается завязанным на высшей неисчислимости тайны времени. Перед ней немотствует слово, перед ней замира-

---

⁷² Лети во мрачный Альбион, 2006

⁷³ Холодное лето, 2006

⁷⁴ А. Филатову, 2006

⁷⁵ Лети во мрачный Альбион, 2006

⁷⁶ Жалеет, жалит. Вновь не узнает, 2006

⁷⁷ Один хотел, к примеру, славы, 2006

⁷⁸ Ты — все еще отрок, войти не умеющий в фальшь, 2001, 2006

⁷⁹ Без остатка, 2007

ет мир, перед ней утихают наши умы-калькуляторы, устремляясь к недостижимым пределам: ноль versus бесконечность. Безмерность. Неизмеримость мира мер.

Узел четвертый. «Шум времени»

Один из (по)разительных парадоксов «Эона» — его чудные оксюмороны, «соединение несоединимого» в каком-то воистину всеядном, ненасытном поиске «новых форм» и «новой поэтики». Как, скажите на милость, как в этой книге могут ужиться сленг «виртуальной фигни», «брехни» и... возвышенная ода, с ее «неводом рыбарей» и «чертогом полночным»?!

Да, с одной стороны, ничего не поделать: в стих межи миллениума неумолимо и хамовито врывается «Zeitgeist» — пресловутый «дух времени», с его «целлюлоидом кино», «целлюфановой мурой», блокбастерами и бестселлерами, Люком Бессоном, джипами, сайтами, фейсами, экшенами, e-mail, клавишами мыши и ниндзя-черепашками... Иной читатель-эстет вправе поморщиться от такой режущей лексики «Эона»: «эта хрень-дребедень», «сукин кот», «хрен собачий», «тюряга», «ништjak», «в харю харк», «шиш и кукиш»... Ну зачем же, зачем, — скажет ценитель граненных классических рифм, — наш певец мирового Эона не брезгует всем этим угловатым и нагловатым, полукаторжанским жаргоном: «жлоб», «менты», «ханыга», «ксива», «хана»!..

Но, с другой стороны, «дар-миллениум дан для причастья, для полукасанья»⁸⁰. Сколь притягательным, сколь интригующим, сколь ласкающим ухо становится на фоне уличного сленга иной полюс странноватой «Эоновой» поэтики — старомодный, возвышенный штиль хрестоматийных архаизмов, словно покрытых патиной времени: «твердь», «капище», «отрок», «влюбленный пиит», «друзи», «длань», «чело»... Постойте! Что за одряхлевшие фонемы? Что за пустующие оболочки с исчезнувшим смыслом? — пожмет плечами иной читатель, буде он поклонником «сюр» или очередного радикального «изма», отмахнувшись от нездешних, запыленных писем. Ну зачем же, зачем из глубин океанов прапамяти поднимаются в антикварные лавки поэтического «сегодня» все эти амплификации: «земная юдоль», «судно утлое», «струнные персты», «рубаха, рассуноенная на вые», «высший

---

⁸⁰ Дневник, 2006.

смысл, что лился прямо в очи из золотых закатных облаков», «перехлесты заснеженных верст»?..

Язык улицы вперемежку с языком храма... Беглые слова-однодневки — рядом с поседевшими ямбами и хорями, словно бы растрескавшимися иконным кракелюром строфами, дивными рифмами дней минувших. Что фигура? Что фон? И не дерзнут ли они в который раз поменяться местами? Что зерна? Что плевелы? И кто их рассеет, на каких эстетических ситах? Что бытие? Что быт? И кто их рассечет, размежует? Суду каких верховных поэтических весов предстоит вершить это отчаянное взвешивание? Да и что перевесит в итоге: отчужденное свое versus освоенное чужое слово?

Почти вызывающе странны эти «сочетания несочетаемого». С одной стороны — приметы утраченного времени, пляшущего «мелким бесом в обезбоженной стране»⁸¹. С другой — отсветы небес предвечных, где «Пушкину Набоков рад прицельной цифрой усмехнуться с тех самых башенных часов, чей диск лишь отражает время»⁸²... Не знаю, заметите ли вы, но всякий раз, как только в «Эоне» появляется зримая, брутальная черта ушедшего века, тут же, спустя каких-то две-три строчки, промелькнет ее дальняя тень — то ли антипод, то ли ироничная параллель-насмешка, то ли возвышающая метафора. Желдорвокзал — и тут же «gaga avis», одеколон «Шипр» — и тут же античная тропа, колхоз — и тут же Хронос, пгт Рыжово — и тут же Беатриче и Лаура, алкаш и ЖЭК, районный совет — и тут же «сезам-терминал, некий первенства мира финал», различимый «сквозь дымку, отселе»... Так ткутся диалоги-переключки в загадочных тканях «Эона»: Благбаз — Армагеддон, Управдом — Господь Всевышний, Лысая гора — Голгофа, «хриплый Харьков, торгаш и картежник» — лодочник Харон.

«Ты слушаешь музыку неба, но слышать мешают шумы»⁸³... «Под знаком вечности» — *sub specie aeternitatis*, нераздельно, неслиянно, единосущно живут в «Эоне», взаимно отражаясь и перетекая друг в друга, нижайшее и высочайшее, «клейма-отпечатки» гнусноватой эпохи и звенящая в недостижимых небесах «Божья нота». «Меж часовой и пивной»⁸⁴ распято время. И нет ничего нелепее, чем рассуждать: Или-Или. Загородиться от пив-

---

⁸¹ Ровно сто живого весу, 2005.

⁸² Лети во мрачный Альбион, 2006.

⁸³ Пройти по первейшему снегу, 2006.

⁸⁴ Кликни клавишейю мыши, 2006.

ной, замкнуться в часовне? Нет! Забросить часовню, обожеествив пивную? Опять же, нет! Они взаимно отзеркаливаются. Нуждаются друг в друге. Иначе задохнется мечущийся, стонущий, стелющийся и вечно раздираемый духом со-и-противо-поставлений вопль «Эона»! Он нуждается в обоих полюсах, он растянут между обоими безднами...

«Ибо время близко» (Отк. 1.3; 22.10). Тому, кто привык отсчитывать засечки Хроноса тысячелетиями, не избежать эсхатологических предчувствий. Не в «конце времен» наступает апокалипсис, он свершается в каждом из нас. «Вселенскую стеной встает расплата, возмездие, волна-Армагеддон»⁸⁵. Увы нам, увы. Ибо нам, человекам, суждено жить во временах, которые не выбирают, в их извечной двойкости: «в продажном веке к паперти прильнувши»⁸⁶. Так неужели все, что остается, — лишь сетовать на то, что наш «беспородный век» «первородную стыдливость свез на свалку», а «пергамент» променял на «вороватый чек»⁸⁷? Нет же, нет, — проникновенно шепчет Поэт мирового Эона. — Попробуем же отыскать те точки стояния в мире, попытаемся взойти на те отметки парения над временем, в которых крайности сходятся, а полюса совпадают. И там, оттуда, возможно, мы вправе будем сказать: «Как подлый край мой — светел и высок»⁸⁸! И там, оттуда, возможно, нам покажутся смешными и площадная брань, и фальшивые выпренные речи эпигонов. И там, оттуда, возможно, нам трудно будет не улыбнуться со вздохом:

*Какая лабуда! Какая хрень да редька —
высокие слова на низменных лугах.*⁸⁹

Coincidentia oppositorum — «соединение противоположностей»... Misterium tremendum — «Великая Тайна» поэтов и пророков... Может, в этом — нерв, корень, еще один неразрешимый вопрос, еще один гордиев узел «Эона»? Тот самый, мандельштамовский «шум времени», который вовсе не чинит препятствий «шепоту», уже родившемуся «прежде губ»? Тот самый ахматовский «сор», из которого «растут стихи, не ведая стыда»?..

---

⁸⁵ Где ступки византийства и азийства, 2006.

⁸⁶ Уста узды сполна красноречивы, 2006.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Лягушки закурлыкали легато, 2007.

⁸⁹ Четырехстопный ямб сколочен вроде гроба, 2006.

«Эон» — тончайший «холст соответствий», вдохновенный орнамент, сотканный из множества нитей. Узлы узора — пространства и перекрестки дорог, имена и лики, краски, запахи, вонзенный в нас «памяти искус» и зигзаги «юноглазого времени», росчерки многоточий смысла. И все в этих стихах удивительно спрессовано, эссенциально, сжато — когда-то древние именовали это «синэстезис», «суггестия»...

Возможно, каждый из узлов суждено было бы распутывать разным типам сознаний. «Философствующий» вычитает в «Эоне» особую феноменологию времени, в которой «глыбой суть над краем зла зависла»⁹⁰... «Богословствующему» уму будет ближе иное: «вливая синь вселенского дыханья в сквозной пролом, в отдушину груди»⁹¹, заглянет поэтичное прочтение вестей Евангелиста сквозь молитвенный шепот: «лепечу о прощении-чуде в непрощаемый Господом век»⁹².

Взгляд «художнический» откроет в этой книге изумительную палитру флорентийцев, венецианский колорит и сфумато Да Винчи. Слух и неслух «музыкальный» расслышит среди строк «контральто романса»⁹³ и «полноту граненого клавира»⁹⁴. Ум «природный» подивится точности описаний полетов ласточки, горлицы, неистребимого ястреба, щегла, воробья и дятла; вслушается в шум черемух и тополей, калин и ив, рябин и вязов; приглядится к тому, как растет одуванчик и репейник; порадуеться тому, сколь восхитительны «и мотыльковых эфемеров танец, и экивоки муравьиных поз»⁹⁵...

«Странствующее» сознание в который раз насладится образами узнаваемых ландшафтов. «Исчисляюще-математический» разум изумится алгебраическим метафорам жизни и смерти. Ум «книжника» затеряется в россыпях цитат и вереницах имен — реальных ли, вымышленных персонажей... Настроенный на «поэтический» лад позавидует шлифовке игривых рифм и бесконечным фонетическим перекличкам: «Соловиной Соломеи соло», «порчу пророчит», «шум шумера», «культовый кельт»,

⁹⁰ Сунниты бьют шиитов по шеям, 2006.

⁹¹ Перевал, 2006.

⁹² Хриплый Харьков, торгош и картежник, 1992, 2006.

⁹³ Сентябрь припасает варенье, 2005.

⁹⁴ Роман-Кош, 2005.

⁹⁵ Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

«где в окно деревянную буквой — Гутен морген! — стучит Гутенберг», «шахматы шахидов», «подбрюшьем подброшенно охать», «меж брегом и бургом», «сервер и верлибр»... А, может, просто станет наслаждаться самой по себе песенной певучестью стиха, нахлынувшими волнами его неожиданных образов, повторяя за поэтом: «март-мурлыка», «апрельская боль», «амнистия мая», «июнь-поцелуй», «Атлантидой под воду ушедший июль», «август, пащенко ущерба»...

Каждый вправе ухватиться за свою нить, каждый вправе вплести ее в новый узор. Кто же поймет, что этот мир — Един? Кто же сведет ритмы времени великих цивилизаций в соборный концерт неповторимых культурных миров, управляемых единым взмахом дирижерской палочки тысячелетнего, тысячеликого, тысячеглазого Эона? Кто же пронизет Целое — «на схлесте страсти и ума»⁹⁶? Ignoramus, et simper ignorabimus — «Не знаем, и никогда не узнаем»...

*И кто искал бы дружества Эона,
кто звал бы флорентийство наугад,
когда б не первородной леммы лоно,
не зеркальце жука в махрах пиона,
не бесконечных отражений ряд?⁹⁷*

Помню, Андрей Тарковский предупреждал зрителя: если не поймете «Зеркала» — не отчаивайтесь. Смотрите снова. И еще раз, и еще. И еще... Вглядывайтесь. Вслушивайтесь. Вдумывайтесь. Пока не мелькнет отблеск понимания. Так и с «Эоном». Его прозрачность — кажущаяся. Стих плотен и сгущен. Многосложен. Едва ли проницаем. И неподъемен, и невыносимо легок. И скрытен, и исповедально-распахнут. И полон мистериального шепота. Его нельзя прочесть — по горизонтали. Он вертикально прорывается сквозь сознания. Его тянет вновь и вновь перечитывать. И вглядываться, вслушиваться, вдумываться снова. И еще раз, и еще. И еще... Жилистый, мерцающий, извилистый, парящий, рыхлый, зыбкий, шершавый, колкий, трескучий, сочный, исполненный полынной горечи, музыкальный, пурпурно-лиловый, охристо-индиговый, пульсирующий, едва скользящий, пружинящий, легчайший, невыдуманно-нежный стих...

---

⁹⁶ На Страстной, 2006.

⁹⁷ Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

Мне выпало погружаться в метафизические разломы тектоники рифм-и-ритмов «Эона» раз восемнадцать-двадцать, не меньше. И всякий раз восхищаться новым бликам и переливам их внутреннего свечения, становиться кропотливым криптографом аллюзий, изумляться новым извивам, изгибам, изломам стиха, его со-мыслей, со-цветий, со-воспоминаний... И никогда меня не покидало ощущение незавершимого, «бесконечного, ибо безначального», присно и во веки веков длящегося разговора. В глубинах этих строк — быть может, на их недостижимом дне, в inferнальных провалах, в зияниях междустрочий и междузвучий, в молчаливых паузах стихшей стихии стихов — все же остается нечто, что можно назвать «звуком-зовом» Тайны. Приглашение к новому Разговору. Обещание новой Встречи.

2007 г.